

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗА РУБЕЖОМ

ДРЕВНИЙ ШУМЕР: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Е.Н. Трикоз

Кафедра теории и истории государства и права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу специфической политико-правовой культуры и клинописного права древних шумеров, их концепции «священного царства» и «справедливого правления». Особое внимание уделяется периоду правления царя Ур-Наммы, основателя III династии Ура и создателя первого в истории человечества свода законов.

Ключевые слова: клинописное право; социальная справедливость; кодификация права; царские реформы; шумерская цивилизация.

В истории правовой цивилизации древнего Шумера был короткий период возрождения всей социально-политической и культурно-юридической жизни после длительного иностранного завоевания — аккадского и затем гутийского. Это время шумерского ренессанса связано с восхождением на трон шумерских правителей-*лугалей* III династии Ура (2112–2003 гг. до н.э.), именем которой назовут новую «империю». Ее основателем был царь *Ур-Намма* (шум. Ur-Engur, а позднее Ur-^dNamma), правивший с 2112 по 2094 г. до н.э., по поводу смерти которого был сложен нишпурский текст в жанре плача «*Ur-Namma A*». Именно в нем мы встречаем две важных категории шумерской правовой культуры: *справедливость-правосудие* (шум. niġ-si-sá; аккад. *mīšarum*) и *истинность-постоянство* (шум. niġ-gi-na; аккад. *kittum*). Первая из них связана с понятием хорошей или плохой «судьбы», которую боги определяют (присуждают) земным людям, а второе понятие соотносится с категорией истинного «слова», изрекаемого богами и понятного только им, а также истинным (избранным богами) правителям.

В тексте «*Ur-Namma A*», с одной стороны, показана несправедливость решения богов об изменении счастливой судьбы царя, а именно неправосудность их приговора к смерти «доброго пастыря черноголовых» и отображение у него «*лугальства*» как противоречащее принципу «ni(g)-si-sá» (шум. «правосудие», «справедливость»; аккад. *mīšaru[m]*). Эта шумерская правовая категория была связана с регулярным изданием царских указов об освобождении от долгов

(шум. *ama-ar-gi₄*; аккад. *andurāru[m]* — букв. «возвращение к матери», или в исходное состояние, очищение от долгов, аннулирование обязательств).

Древний обычай предполагал, что в первый год своего правления и затем через известные промежутки времени *лугали* объявляли отмену всех долговых обязательств и сделок о долговом рабстве, продлевали сроки взыскания недоимок по налогам и сборам, отменяли сделки купли-продажи земли с целью возвращения ее первоначальным владельцам [4]. В числе таких законодателей-реформаторов, предшественников Ур-Наммы, следует назвать трех правителей номового государства Лагаш — Энметену, Урукагину и Гудеа.

С другой стороны, в тексте «*Ur-Namma A*» непосредственно с уходом из жизни царя-благотельца связано наступление мрака и других бедствий в стране, из которой вместе с Ур-Наммой на время ушли некие таинственные «*ме*», могущественные и божественные силы шумерской цивилизации, т.е. «сути всех вещей и законов мира» (шум. *me*; аккад. *partsu*).

Риторическое упоминание *ме* обращено к людям, чтобы убедить их в *истинности* существовавшего при царе порядка, основанного на предвечном порядке из божественных законов и гарантированной социальной справедливости. Подтверждением этого служили дарованные богами избранному царю важные царские инсигнии, законотворческие и правоприменительные полномочия, способность объявлять истинные решения в спорах как между обычными подданными, так и между номами. Таким образом, понятие «*ме*» мыслилось как «слово» богов («высший смысл») и привнесло в шумерскую ноосферу пристрастие к *закону и порядку*, которые почитались как проекция божественного правопорядка. Поэтому наряду с кодексами законов «истинные и справедливые» цари регулярно издавали свои амнистирующие акты, призывавшие к всеобщему милосердию и провозглашавшие права и свободы. При этом они показывали на небо и утверждали, что их устами говорят боги, а их законы вербально отражают сакральные сути-«*ме*». По меткому выражению В.А. Якобсона, царь-реформаторы олицетворяли собой наиболее активную часть этноса, стремясь обнародовать перед пантеоном богов и традиционалистской общиной свои кодексы-декларации, своеобразные отчеты городским богам о проделанной работе и для умилоствивания их [9].

Так было, например, в Лагаше при энси *Энметене* (2404–2375 гг. до н.э.), который провозгласил с вершины зиккурата свой указ-«*амарги*» и возвестил о начале «великой справедливости».

Полстолетия спустя его соотечественник лугаль *Урукагина* (2319–2311 гг. до н.э.; прежнее неверное чтение «Уруинимгина») в обоснование *истинности* своих реформ сослался на заключение договора с богами, продиктовавшими ему («вложившие в уста») текст первой в истории шумеров «декларации прав человека» [3. С. 16]. Урукагина также восстановил прежнюю судебную систему в сельских общинах, полагая, что возвращает истинный правопорядок, существовавший предвечно на основе божественных сутей-*ме* [1. С. 25; 6. С. 4].

Следующий реформатор из Лагаша, современник Ур-Наммы, «истинный и благой пастырь» *Гудеа* (ок. 2142–2122/2116 гг. до н. э.) тоже стремился защи-

щать слабых, сирот и вдов от посягательства сильных; «все необходимое видимым сделал» (возможно, сокрытые от человеческих глаз законы-*ме*); предоставлял защиту должникам от претензий ростовщиков, облегчал судьбу подсудимых и даже рабам позволял пользоваться некоторой свободой, в том числе запрещал во время городских празднеств подвергать их наказанию [19].

В стороне от общей древнешумерской традиции провозглашения «городской справедливости» стояла новая политическая инициатива аккадского царя Саргона I (2316–2261 гг. до н.э.), который, будучи простолюдином по происхождению, принял при коронации по сути «программное имя» (аккад. ŠAR.RU.KI.IN — «царь истинный»), чтобы этим подчеркнуть «легитимность» и «праведность», истинность правящего режима, подобного постоянной власти богов на земле. Вся государственная политика этого царя и его преемников Саргонидов строилась на интеграции (объединении) страны и унификации систем управления и суда.

Именно с его времени важным направлением становятся различного рода «унификации», что вообще характерно для неограниченных форм правления, с четко выраженным бюрократическим аппаратом и централизованной администрацией (новая концепция «царственности» — аккад. «*шаррум*») [5. С. 41].

Важно также заметить, что по всей империи Саргон и его преемники начали ставить царские стелы с надписями, которые завершали особой формулой проклятий от посягательств, и этот технический прием будет позднее использован в кодификационной практике, при составлении устрашающих эпилогов в сводах царских законов.

Наконец, мы переходим к величественной фигуре царя-кодификатора, который очень эффективно унаследовал описанную выше традицию *истинного правления* шумеро-аккадских царей во имя божественной справедливости.

Действительно, Ур-Намма с самого начала позиционировал себя поборником и хранителем справедливости, «живым законом» на земле, сделав верную ставку на кодификацию права и унификацию судебной практики. Он в особенности радел о социальной справедливости, следил за тем, «чтобы сироте и вдове сильный человек ничего не причинил», что еще раз подчеркнул в прологе к своему знаменитому судебнику — «Кодексу Ур-Наммы» (1). При нем закрепился образ шумерского царя как «*справедливого пастыря*», протектора и опекуна своих черноголовых (шум. lugal-sira — «царь как овечий пастух») с соответствующими инсигниями из того же пастушеского инвентаря: посох пастуха и железное кольцо для усмирения быка (или же свернутая кольцом веревка как узда для барана). Они с того времени начнут выступать как неизменная символика владычества и правосудия.

Итак, царь Ур-Намма стал позиционировать себя «добрым пастырем народа Шумера и Аккада», призванным богами установить на земле справедливость и мир. При этом он старался использовать риторику отеческой заботы и защиты, а не прямого насилия и террора [11].

Примеры весьма активной юридической деятельности «справедливого пастыря» Ур-Наммы находим в трех его гимнах и царских надписях, где указыва-

ется, что царь «дал воссиять справедливым законам» и «судебные решения сделал постоянными». Его судебно-правовая реформа упоминается в двух из 17 датируемых формул царя. Но самым известным свидетельством его законотворческого гения стал «*Codex Urnamma*». Издание этого первого в истории человечества крупного писаного судебного кодекса явилось важным фактором огосударствления судебно-правовых отношений и увенчало собой судебную реформу Ур-Наммы. Его целью было расширение царской подсудности при сохранении традиционной общинной юрисдикции в крупных городах Шумера.

При этом стоит отметить такую особенность шумерской правовой культуры, как отсутствие общего, абстрактного понятия «*права*». Была близкая к нему религиозно-идеологическая категория «правосудие» (шум. *ni-si-sá*; аккад. *mīšaru*), т.е. некое высшее достоинство и дарованная богами способность царя, как «справедливого пастыря» своего народа, обеспечивать соблюдение божественных обычаев и порядка на земле, принципов истинности-постоянства и социальной справедливости (2).

Для обозначения какого-либо установленного законом действия или юридического акта шумеры использовали термин «*dī.d*» (букв. «разговор»; аккад. *dinūm*), означавший также «квалификацию юридического спора», «само юридическое решение» или же «судоговорение; процесс». Еще более общая категория «*inim*» (шум. «слово», «приказ», «дело»; аккад. *awātum*) могла также относиться к юридическим сделкам.

Другая важная правовая категория «*dī til-la*» (букв. «решенное дело», «окончательный приговор») применялось к уже состоявшимся и записанным приговорам царского суда (букв. «закрытое *dī*»). Большинство текстов судебных разбирательств, или *дитилл*, были систематизированы в особые картотеки царско-храмовых архивов. По юридической технике некоторые *дитиллы* напоминали протоколы судебных заседаний. Их структуру одним из первых предложил С.А. Мерсер: заголовок (шум. *dī ti-la*), стороны спора, фабула и суть спора, описание деталей, принесение клятв, указание на свидетелей, суть решения, имена чиновника царя и судей, дата рассмотрения [14. С. 38].

Но, безусловно, центральную роль в составлении различного рода *дитилл*, их архивной систематизации и юридическом просвещении в целом играли высокообразованные писцы (шум. *dub-sar*; аккад. *tupšarru[m]*). Это были учителя клинописи и выпускники знаменитых «домов табличек» (шум. *é-dub-ba-a*) [17]. От их услуг зависели правители, храмы, частные лица, ведь нужно было вести бухгалтерский учет, подписывать тексты деловых контрактов, заключать международные соглашения, составлять кодексы законов и проч. В шумерском обществе практиковался своего рода культ образования! Это было рафинированное общество образованных горожан, о чем свидетельствуют сотни тысяч сохранившихся клинописных текстов не только из царско-храмовых архивов и библиотек, но из частных архивов торговцев и большесемейных общин.

Социальный престиж писцовой школы, так называемой *эдуббы*, был очень высок. А особый авторитет профессии *дубсара*, почет и преклонение перед ней были связаны в первую очередь с тем, что писцы единственные наряду с царя-

ми (и их «*nam-lugal*») имели свою особенную судьбу (шум. *nam-dubsar*). Ведь усваивать знания и оттачивать писцовое искусство с помощью шумеро-аккадской клинописи было очень сложно, на это уходила большая часть жизни (в школах учились порой по 15–20 лет). На уроках («*музубба*») многократно копировали тексты из табличек-моделей в контрольные таблички из мягкой глины, в частности переписывали формуляры договоров (модельные контракты) [10].

Изучение юриспруденции на старших курсах *эдуббы* осуществлялось на основе перечней судебных казусов и многократно копировавшихся «сводов законов» [16].

По сходному мнению З.М. Черниловского, они «посвящали немало времени изучению законов и усердно осваивали труды и специфические юридические формулы, а также переписывали своды законов и судебные решения» [8. С. 43]. Кроме того, отрабатывалось умение вести дебаты и оскорблять противников прежде, чем опровергнуть их аргументы, используя приемы диалога о превосходстве (шумер. *ада-ман-дуг-га* — «спор») и решения казусов-задач.

До нас дошел ученический текст из г. Ниппура (ок. 1900 г. до н.э.) с описанием уголовного дела об умышленном убийстве.

Это «модельное судебное дело», литературное упражнение *эдуббы*, наподобие составления модельных контрактов. Именно в этом тексте упомянута особая судебная коллегия для вынесения смертных приговоров [12; 13]. Сохранился также компендиум (*тематический список*) из Ниппура, с типовыми юридическими формулами для обучения писцов правильному составлению торговых сделок и контрактов (купли-продажи дома, ссуды зерна и др.). Выдержки из него в виде двух таблиц попали по неизвестным причинам в состав серии-каталога под названием «*НAR-га= hubullu*» (3).

Выпускник школы получал почетное звание «*дубсар*» и распределялся на престижную работу. Так, остававшиеся работать в самой *эдуббе* писцы составляли композиции (своды правил) из текстов, бытовавших в устной договорной или общинной судебной практике; храмовые писцы привлекались для составления судебных *дитилл* и засвидетельствования сделок с помощью особой печати *дубсара*; дворцовые писцы готовили таблички с царскими надписями и стелы со сводами законов [2. С. 108].

Благодаря деятельности шумерских писцов в древневосточную юриспруденцию был привнесен такой важный технический прием, как систематизация права в форме учета и архаической кодификации [18]. Вообще это было в традициях царства III династии Ура, где повсюду насаждался *классификационный принцип*. Приведем известные примеры: «царский список» с классификацией городов и династий до потопа и после; перечни всевозможных вещей и предметов; административно-территориальная унификация страны, деление на 40 округов; официальный культовый лунный год из 12 месяцев и создание единого календаря; категоризация текстов по жанрам, составление литературных списков и каталогов.

Зарождался новый канонический принцип жанровой классификации, когда в конце почти каждого произведения указывалось название его категории, иногда с пометой о музыкальном сопровождении (например, песни «баль-баль», гимны «за-ми», плачи «ур-шем») [15].

Хотя нам, конечно, трудно сейчас представить, чтобы «Кодекс Ур-Наммы», как особый тип жанровой юридической литературы, читался нараспев как культовое произведение под звуки барабана и лиры!

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Нами подготовлен полный перевод «Кодекса Ур-Наммы» на русский язык с подробными комментариями [7. С. 73–111].
- (2) Шумерский термин «*sisá*» соответствует древнегреч. «*ison*», лат. «*jus*», англ. «*justice*», русскому «правосудие/справедливость».
- (3) Шум. *ur₅-ga=hubullu* — это старовавилонский глоссарий, двуязычная «энциклопедия» на 24 табличках, составленная ок. 1750 г. до н.э. и объединившая шумеро-аккадские лексические списки по соответствующим темам (например, о деревьях, деревянных предметах и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Дьяконов И.М. Реформы Урукагины в Лагаше // Вестник древней истории. — 1951. — № 1. — С. 15–32.
- [2] Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры. — СПб., 2003.
- [3] Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений. — М., 1983.
- [4] Никитина А.Д. Первая в мире налоговая амнистия. Указ о «справедливости» (*mīšarum*) царя Аммицадуки и его влияние на частнопрововые документы в Вавилонии первой половины II тыс. до н.э. // История государства и права. — 2011. — № 11. — С. 17–21.
- [5] Сазонов В. Идеология царской власти в эпоху Саргонидов (XXIV–XXII вв. до н.э.). — Тарту, 2005.
- [6] Струве В.В. Исторические надписи Урукагины и история их интерпретации // Вестник древней истории. — 1964. — № 4. — С. 3–23.
- [7] Трикоз Е.Н. История кодификации права. Вып. 1. Клинописные своды законов: «Кодекс Ур-Наммы». — М.: РУДН, 2013.
- [8] Черниловский З.М. Всеобщая история государства. — М.: ВЮЗИ, 1973.
- [9] Якобсон В.А. Цари и города в древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. — М.: Наука, 1989.
- [10] Bartash P. Scribal Education and Legal Terminology // 57th Rencontre Assyriologique Internationale «Tradition and Innovation in the Ancient Near East» (Sapienza — Università di Roma, 4–8 July 2011). — Sapienza, 2012.
- [11] Harmanshah Ö. The Cattle Pen and the Sheepfold: Cities, Temples, and Pastoral Power in Ancient Mesopotamia // Heaven on Earth: Temples, Ritual & Cosmic Symbolism in the Ancient World / The Oriental Institute, University of Chicago (2–3 March, 2012).
- [12] Jacobsen T. An Ancient Mesopotamian Trial for Homicide // *Analecta Biblica*. — 1959. — Vol. 12. — P. 130–150.
- [13] Klein J., Sharlach T. A Collection of Model Court Cases from Old Babylonian Nippur // *ZA*. — 2007. — Vol. 97. — P. 1–25.
- [14] Mercer S.A.B. The Oath in Cuneiform Inscriptions // *Journal of the American Oriental Society*. — 1913. — Vol. 33. — P. 33–145.

- [15] *Michalowski P.* Observations on a Literary Catalogue from Ur // *Journal of Cuneiform Studies*. — 1984. — Vol. 36. — P. 89–92.
- [16] *Roth M.T.* The Scholastic Exercise: Laws about Rented Oxen (Sumerian Texts) // *Journal of Cuneiform Studies*. — 1980. — Vol. 32. — P. 127–130.
- [17] *Sjöberg Å.W.* The Old Babylonian Eduba // *Sumerological Studies in Honor of Thorkild Jacobsen on his Seventieth Birthday* / Ed. by S. Lieberman. — Chicago, 1975. — P. 159–179.
- [18] *Thomas C.G.* Literacy and the Codification of Law // *Studia et Documenta Historiae et Iuris*. — 1977. — No. 43. — P. 455–458.
- [19] *Wilson E.J.* The Cylinders of Gudea. Transliteration, translation and index. — Neukirchen-Vluyn, 1996.

ANCIENT SUMER: SPECIAL LAW TRADITION

E.N. Trikoz

The Department of Theory and History of State and Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the analysis of specific political and law culture and the clay law of ancient Sumer, its concept of «sacred kingdom» and «good governance». Special attention is paid to the reigning of lugal Ur-Namma, the founder of the III dynasty of Ur and the creator of the first law code in the history of mankind.

Key words: clay law; social justice; codification of law; royal reforms; Sumer civilization.

REFERENCES

- [1] *D'yakonov I.M.* Reformy Urukaginy v Lagashe // *Vestnik drevney istorii*. — 1951. — № 1. — S. 15–32.
- [2] *Emel'yanov V.V.* Drevniy Shumer. Ocherki kul'tury. — SPb., 2003.
- [3] *Nersesyanc V.S.* Pravo i zakon. Iz istorii pravovyh ucheniy. — M., 1983.
- [4] *Nikitina A.D.* Pervaya v mire nalogovaya amnistiya. Ukaz o «spravedlivosti» (mîšarum) carya Ammicaduki i ego vliyanie na chastnopravovye dokumenty v Vavilonii pervoy poloviny II tys. do n.e. // *Istoriya gosudarstva i prava*. — 2011. — № 11. — S. 17–21.
- [5] *Sazonov V.* Ideologiya carskoy vlasti v epohu Sargonidov (XXIV–XXII vv. do n.e.). — Tartu, 2005.
- [6] *Struve V.V.* Istoricheskie nadpisi Urukaginy i istoriya ih interpretacii // *Vestnik drevney istorii*. — 1964. — № 4. — S. 3–23.
- [7] *Trikoz E.N.* Istoriya kodifikacii prava. Vyp. 1. Klinopisnye svody zakonov: «Kodeks Ur-Nammy». — M.: RUDN, 2013.
- [8] *Chernilovskiy Z.M.* Vseobshhaya istoriya gosudarstva. — M.: VYuZI, 1973.
- [9] *Yakobson V.A.* Cari i goroda v drevney Mesopotamii // *Gosudarstvo i social'nye struktury na drevnem Vostoke*. — M.: Nauka, 1989.

-
- [10] *Barmash P.* Scribal Education and Legal Terminology // 57th Rencontre Assyriologique Internationale «Tradition and Innovation in the Ancient Near East» (Sapienza — Università di Roma, 4-8 July 2011). — Sapienza, 2012.
- [11] *Harmanshah Ö.* The Cattle Pen and the Sheepfold: Cities, Temples, and Pastoral Power in Ancient Mesopotamia // Heaven on Earth: Temples, Ritual & Cosmic Symbolism in the Ancient World / The Oriental Institute, University of Chicago (2–3 March, 2012).
- [12] *Jacobsen T.* An Ancient Mesopotamian Trial for Homicide // *Analecta Biblica.* — 1959. — Vol. 12. — P. 130–150.
- [13] *Klein J., Sharlach T.* A Collection of Model Court Cases from Old Babylonian Nippur // *ZA.* — 2007. — Vol. 97. — P. 1–25.
- [14] *Mercer S.A.B.* The Oath in Cuneiform Inscriptions // *Journal of the American Oriental Society.* — 1913. — Vol. 33. — P. 33–145.
- [15] *Michalowski P.* Observations on a Literary Catalogue from Ur // *Journal of Cuneiform Studies.* — 1984. — Vol. 36. — P. 89–92.
- [16] *Roth M.T.* The Scholastic Exercise: Laws about Rented Oxen (Sumerian Texts) // *Journal of Cuneiform Studies.* — 1980. — Vol. 32. — P. 127–130.
- [17] *Sjöberg Å.W.* The Old Babylonian Eduba // *Sumerological Studies in Honor of Thorkild Jacobsen on his Seventieth Birthday* / Ed. by S. Lieberman. — Chicago, 1975. — P. 159–179.
- [18] *Thomas C.G.* Literacy and the Codification of Law // *Studia et Documenta Historiae et Iuris.* — 1977. — No. 43. — P. 455–458.
- [19] *Wilson E.J.* The Cylinders of Gudea. Transliteration, translation and index. — Neukirchen-Vluyn, 1996.